

НОВАЯ ГАЗЕТА

РЕПОРТАЖИ • ОБЩЕСТВО

Выбитые окна

О том, как в Белгороде играют в нормальную жизнь

Белгород. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

11:18, 4 октября 2024,

Виктория Артемьева

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В баре играет музыка.

В баре полупустого города поют, пьют, танцуют — и за каждым столиком, перекрикивая бит, тянутся к тому, кто быстро что-то пишет на линованном бланке. Тот, который пишет, — капитан, остальные — члены команды, и на ближайшие три часа их жизнь — игра. В ближайшие три часа самое главное — вспомнить название, или имя, или строчку из песни, дотянуться, перекричать, успеть ответить, опередить, выиграть. Несколько лет назад Белгород плохо себе представлял, что такое квизы, тем более музыкальные, — теперь знает, и раз в три недели по субботним вечерам зал караоке-клуба заполнен игроками «Фредди-шоу» — от барной стойки, по всей ширине которой растянута желтый флаг с очертаниями лица Меркьюри, до зеркальной стены, в которой он отражается. Луч подсветки выхватывает из полумрака мелькающую по залу желтую жилетку — это ведущая, зовут ее Лена Красильникова, и шоу принадлежит ей.

«Фредди» два года — он появился в сентябре 2022-го, когда Белгород еще не бомбили. В шесть утра 24 февраля Лену разбудила старшая дочь — Полина вбежала в спальню, крича «***! *** началась!». Лена не поняла и не поверила: «Что ты за ерунду несешь, какая ***?» Но когда дочь замолчала, в шестичасовой тишине спящего дома обе услышали отдаленные взрывы.

Потом был конец зимы, потом весна, потом лето — «бахи», как их тут называют, не приближались, белгородцы занимались своими делами, и желтый флаг с Фредди Меркьюри решили все-таки поднять. И пока *** идет — они играют.

Игроки «Фредди-шоу». Фото: соцсети

В баре звучит музыка, и войти в его двери — почти то же самое, что переключить трек в плейлисте: на улице только что отревела сирена. Но это за стенами о ней будут говорить — будут обсуждать, сколько еще длиться обстрелам, будут вести счет пострадавшим, будут думать, как навестить близких, — за стенами почти только об этом и говорят. А здесь об этом не будет ни слова: здесь какой-нибудь мужчина с костылем будет весь вечер доказывать Лене и каждому, кто окажется поблизости, что ответ «Ча-ча-ча» вместо названия бессмертного хита «Чу-чу Ча-ча» надо было засчитать. Потому что, пока шоу продолжается, «Ча-ча» важнее, чем плановая операция на ноге, — и тем более чем постоянная угроза прилетов.

В зале есть те, кому прилетало прямо во двор (и — о чудо! — не разбило окна на первых этажах), и есть те, в чей дом прилетело дважды (а

игроки остались живы — чудо в квадрате).

Они все — или почти все — знают друг друга давно: не столько по молодому «Фредди», сколько по «Особому мнению» — более взрослому квизу, первому проекту Лены в Белгороде.

Она — организатор этих игр, создатель, аккумулятор энергии и смысловой центр. Она приехала сюда пять лет назад из Мурманска — поначалу, как и в родном городе, вела свадьбы и корпоративы и (тоже как в родном городе) сделала себе на этом имя. Потом надоело, и она вспомнила, как дома играла по выходным в квизы: вечерами по воскресеньям можно было не думать о том, что приготовить, погладить и постирать, а пить сидр с друзьями и слушать, как синхронно скрипят мозги других таких же участников, тоже уставших от бытовухи. Лена решила привезти игру в Белгород — и тут начался путь героя.

Это сейчас у нее в зале может сидеть двадцать пять команд по десять человек в каждой (а то и 68 команд на нескольких площадках, но это пока ее непобитый рекорд), это сейчас регистрация на игры закрывается моментально — даже в обезлюдевшем городе с пустыми на две трети кафе и парками. Четыре года назад, когда сразу после начала пандемии открывалось «Особое мнение», было не так. То есть понравилось-то оно сразу (другие квизы в городе были, но с меньшей аудиторией — да и уставшие сидеть по домам игроки были рады любому движу).

Но первые полгода, когда запускался проект, со слов Лены выглядят как сцена из типичного фильма про self-made героя: она сидит у компьютера, в очках отражаются мелькающие страницы «ВК» — белгородцы до тридцати лет, которым она вручную пишет персональные приглашения, на что «ВК» периодически отвечает блокировками, — а через монтажные склейки сменяются день и ночь, муж привозит детей из детсада

и школы, за окошком начинает падать снег. Еще через одну монтажную склейку с подписью «четыре года спустя» ей приходит очередное письмо с просьбой зарегистрировать очередную команду на очередную игру, и, прокрутив переписку вверх, она видит, что четыре года назад ее приглашение осталось без ответа. На первом дне рождения ее квиза гремит, естественно, We are the champions — эта же песня заканчивает теперь игры «Фредди-шоу».

Путь героя оказался пройден удачно: теперь у Лены четыре разных проекта, все крайне успешные, игроки ее любят, зовут играть в настолки по вечерам и жарить шашлыки, а сын и дочь во время раундов носятся по залу и собирают бланки с ответами.

Только происходит это все под аккомпанемент сирены и взрывов — и детей она берет всегда с собой потому, что не хочет оставлять их один на один с ракетной опасностью.

Старшая дочь Полина боится прилетов панически: от грохота ее начинает трясти, как в Паркинсоне, — Лене приходится ложиться на нее, закрывая собой: и дочери спокойнее, и если прилетит, то хоть она останется жива. Шестилетний Саша просто повторяет за сестрой — и тоже делает вид, что жутко напуган. Зато и технику безопасности они соблюдают синхронно: если слышат сирену — спускаются на первый этаж, зашторивают окна, ложатся на диван с высокой спинкой и накрываются пледами. И верят, что теперь их не заденет.

Игроки «Фредди-шоу». Фото: соцсети

За все два года «Фредди» замолкал только на два месяца — в марте, на выборы, когда в Белгороде начались самые сильные обстрелы. Лена говорит, что шли они как по расписанию: «Около восьми — утренний обстрел, потом обеденный, потом вечерний, потом поздневечерний. И каждый раз — смерти, каждый раз — жертвы, каждый раз — разрушения, каждый раз. В конце концов муж сказал:

— Давай съездим на море на три дня — просто подышать.

Я говорю:

— Ты с ума сошел, какие три дня? День туда, день обратно — зачем?

Но на следующий день — опять обстрелы, опять паника, и я сказала: ладно. Мы выждали полчаса после обеденного обстрела — и по газам.

Вернулись из Анапы они не через три дня, а спустя два месяца — въехать в город раньше было невозможно. Вернулись, правда, не в полном составе: лучшая подруга Лены, которая когда-то пришла играть в ее квиз и которую они вывезли с собой, осталась в Анапе: бизнес в Белгороде у нее тоже был, но воспитывать детей под обстрелами она не хочет.

— Я тоже мать, — говорит Лена, — но помимо моей родной семьи у меня есть игроки — и это тоже моя семья. К тому же я горжусь всем, что сделала и чего добилась, я заслужила доверие большой аудитории — и это был тяжелый тернистый путь. Бросить сейчас все, начинать опять с нуля — я не могу. Мне было очень плохо все эти два месяца: я не работала, я спала до обеда, состояние было ужасное. И когда я вернулась, многие мои игроки, не один и не два, подходили и говорили: раз ты со своими квизами вернулась — значит, вернулась нормальная жизнь.

Когда я смотрю на людей в зале «Фредди-шоу», я понимаю, что их радость, их веселье выглядят какими-то обостренными: они смеются громче, чем везде, погружены в застольные разговоры глубже, их реакция на шутки ярче.

Такой искренности и непосредственности нет в московских барах — так могут веселиться только те, кто knows the score, кто понимает, что завтра поводов для радости может и не быть.

Хёйзинга в Homo ludens писал, что игра — это такой мир, который отделен от остальной жизни собственным пространством, собственными границами, собственным течением времени, собственными правилами. Иначе говоря,

игра — это отдельный мир, в котором человек играющий может проживать ту жизнь, о которой он мечтает. Теперь реальность, видимо, такова, что мечтающие о нормальной жизни люди вынуждены в нее играть.

24 сентября Лена собиралась остаться дома — нужно было вычитать пакеты с вопросами для субботнего «Фредди»: выверить формулировки и баланс веселого/серьезного, понять, зазвучат ли вопросы в нужной интонации и сделают ли нужную погоду, будут ли под них танцевать — в общем, много дел, ни в какие гости ей ехать не хотелось. Но игроки (семейная пара и давние ее друзья) звали не просто так: их ребенку две недели, надо отметить, да и кто знает, какие там планы у младенца на выходные — может, день у него будет не приемный. К тому же Саша давно хотел на него посмотреть. В итоге Лена согласилась: собрала детей, уговорила отца сесть за руль, поспорила с ним, на чьей лучше доехать — ее или мужа, взяла с собой мать, которая не хотела весь вечер сидеть дома одна, — и в 19.20 машина выехала за ворота. В 19.40 — прилет во двор: оставшаяся стоять машина отца в осколках, на первом этаже там, где обычно прячутся дети, выбиты все окна.

24 сентября — это вторник. А в субботу в баре снова играет музыка.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Артподготовка к школе](#)

Под обстрелами и воздушными атаками начался новый учебный год для школьников в Белгороде и Белгородской области

11:22, 3 сентября 2024, Нина Петлянова, Алексей Душутин

[Погребенные](#)

Белгород: история подъезда, которого больше нет.
Видео

14:33, 17 сентября 2024, Татьяна Васильчук, Кирилл Верхозин